

УДК 343.1(045)

БУРМАГИН Сергей Викторович, кандидат юридических наук, профессор кафедры уголовного права и процесса юридического института Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Автор 45 научных публикаций, в т. ч. одной монографии, двух учебных пособий

ВОПЛОЩЕНИЕ ИДЕАЛА «СКОРОГО СУДА» В РЕФОРМАХ УГОЛОВНОГО ПРАВОСУДИЯ

Рассмотрение уголовного дела в разумные сроки – неотъемлемый критерий справедливости уголовного судопроизводства. При реформировании отечественного правосудия власти России каждый раз ставили цель повысить его оперативность, устранить судебную волокиту в производстве по уголовным делам. Судебная реформа 1864 года кардинально изменила уголовный процесс, повысив его мобильность и разработав правовые нормы, направленные на его ускорение, однако не привела к полному решению проблемы обеспечения «скорого суда», который во многом остался идеалом. Факторы, препятствующие своевременному рассмотрению уголовных дел судами, такие как чрезмерная перегруженность судей возросшим количеством уголовных дел, массовые неявки участников процесса в судебные заседания, длительное производство судебных экспертиз, продолжительное и некачественное предварительное расследование, в конце 80-х – начале 90-х годов XX столетия вновь актуализировали проблему «скорого суда». В ходе современной судебной реформы, во многом под влиянием правовых позиций Европейского суда по правам человека, российское правосудие в течение 20 лет поступательно и достаточно успешно изживает застарелую болезнь под названием «судебная волокита». В уголовный процесс введен принцип разумного срока уголовного судопроизводства, внедрены сокращенные формы судебного разбирательства и электронные средства обеспечения участия в судебном заседании необходимых лиц (видеоконференцсвязь, смс-извещения), предприняты результативные организационные меры по ужесточению контроля сроков производства по делу и розыска скрывшихся от правосудия обвиняемых, осуществляются мероприятия по развитию, совершенствованию и ускорению судебно-экспертной деятельности. В настоящее время ситуация во многом стабилизирована, однако правоведам и законодателю еще предстоит выработать и внедрить действенный механизм защиты от искусственного затягивания сроков рассмотрения дел со стороны недобросовестных участников судопроизводства, злоупотребляющих процессуальными правами и не исполняющих свои процессуальные обязанности.

Ключевые слова: *судебная реформа, разумный срок уголовного судопроизводства, уголовное правосудие, справедливое судебное разбирательство, процессуальные сроки, процессуальные меры реагирования.*

Своевременность, быстрота, разумная продолжительность – важные качества правосудия, без которых невозможны справедливое разрешение правового спора и эффективное восстановление нарушенного права. К воплощению этих качеств в судебной деятельности российские власти стремились каждый раз, когда проводили преобразования по совершенствованию отечественного судопроизводства.

Еще задолго до Судебной реформы 1864 года в российском уголовном процессе в разное время были предусмотрены определенные меры, направленные на устранение судебной волокиты: возложение обязанности по возмещению убытков, связанных с затягиванием судопроизводства, на виновное лицо; плата за отложение разбирательства дела [1, с. 39]; ответственность свидетелей за уклонение от явки в суд; ограничение судопроизводства определенными сроками [2, с. 159–160] и даже попытки «понууждения судей к решению дел в определенные сроки» посредством назначения денежной пени [3, с. 121–122]. Однако в целом российское уголовное правосудие в дореформенные времена отличалось неповоротливостью и не было ограничено никакими временными рамками. Как отмечал М.В. Духовской, «бесконечность процесса была одним из самых существенных его недостатков» [2, с. 160]. Волокита в уголовных судах носила массовый характер и достигала чудовищных размеров, производство растягивалось на годы, и многие обвиняемые по нескольку лет, а то и десятилетия томилась в заключении. Так, сенатором Бегичевым в 1843 году в ходе ревизии было выявлено, что некоторые дела в Орловской области находились в производстве 20 лет [4, с. 189]. Вполне закономерно, что Судебная реформа 1864 года, направленная на устранение системных пороков российского правосудия, одной из важнейших целей, обозначенных в Указе Правительствующему Сенату от 20 ноября 1864 года [5], имела устремление «водворить в России суд скорый».

Устав уголовного судопроизводства 1864 года не устанавливал конкретных (ограничительных) сроков расследования и судебного рас-

смотрения дела, однако содержащиеся в нем правила ориентировали на своевременность производства по делу и способствовали сокращению его длительности. Так, к общим требованиям незамедлительности хода дела относились следующие положения Устава:

а) воспрещалось останавливать решение дела под предлогом неполноты, неясности или противоречия законов, за нарушение этого правила виновные подвергались ответственности как за противозаконное бездействие власти в соответствии со ст. 383–385 Уложения о наказаниях (ст. 13);

б) у мирового судьи разбирательство и решение каждого дела оканчивалось по возможности в одно заседание (ст. 116);

в) судебный следователь должен был принимать своевременные меры, необходимые для собрании доказательств, и в особенности не допускать никакого промедления в обнаружении и сохранении таких следов и признаков преступления, которые «могут изгладиться» (ст. 266);

г) судебный следователь не мог останавливаться «в производстве следствия по тому случаю, что обвиняемый скрылся или что нет в виду подозреваемого в совершении преступления» (ст. 276);

д) предварительные следствия должны были производиться со всевозможной скоростью, и производство их не останавливалось и в табельные или воскресные дни, если обстоятельства дела того требовали (ст. 295);

е) судебное заседание по каждому делу «присходило непрерывно, за исключением времени, необходимого для отдохновения» (ст. 633);

ж) если суд признавал необходимым приостановить судебное заседание для собрании дополнительных сведений, то по получении их заседание продолжалось с того действия, на котором оно остановилось (ст. 634).

Определенные процессуальные сроки в Уставе устанавливались для следователя, прокурора, сторон и суда для выполнения отдельных процессуальных действий (например, допрос подсудимого в течение 24 часов, подача апелляционной жалобы в течение двух недель, обязанность мирового судьи по объявлении приговора

изложить его в окончательной форме не далее как в три дня и т. п.). За неявку без уважительных причин участников процесса на них налагались штрафы, они могли быть подвергнуты приводу, а при отсрочке разбирательства у мирового судьи за неявкой одной из сторон к назначенному сроку «противная сторона могла просить, чтобы издержки, понесенные ею на явку лишней раз к суду, были обращены на неисправную сторону, если последняя не представит уважительных причин неявки» (ст. 75); такой же мере воздействия – платежу издержек, причиненных отсрочкой заседания вызванным в суд лицам, – подвергались и неявившиеся в суд свидетели (ст. 643).

Уменьшению продолжительности производства по уголовному делу в значительной мере способствовало и сокращение числа судебных инстанций, которыми был чрезмерно перегружен дореформенный процесс. Кроме того, на обеспечение «скорого суда» были нацелены и такие организационные меры, законодательно закрепленные в Учреждении судебных установлений, как возложение на председателя суда обязанности следить за быстротой дела в судебном производстве, принимать меры к его ускорению (ст. 251) и полномочие министра юстиции возбуждать дисциплинарное производство в случаях, когда «накопление дел или медлительность в движении оных произошли от неисправности самого судебного установления» (ст. 259). Предпринятые усилия российских реформаторов поначалу сгладили остроту проблемы, однако в конечном итоге не привели к желаемому эффекту.

На рубеже XIX–XX веков в юридической литературе отмечается разрастание прежней болезни – медлительности уголовного правосудия, усиливаются негативные оценки его эффективности. М.В. Духовской сетовал на то, что предварительное следствие ведется медленно: в 1889 году лишь 55 % дел расследовалось менее месяца, 20 % – до 6 мес., а 2 % – более года, в окружных судах до 50 % докладываются в период от 3 до 6 мес., а более 20 % – от 6 мес. до одного года [2, с. 161].

Известный русский процессуалист Н.Н. Полянский писал по этому поводу: «Увы, совре-

менный русский суд далеко не может считаться скорым и, пожалуй, уже по одному этому не может считаться и правым». Далее автор указывал на медлительность предварительного следствия, вызванную малочисленностью судебных следователей и непомерной на них нагрузкой («обременение непосильным трудом»)[6, с. 95].

И.В. Гессен в одном из своих трудов утверждает, что, несмотря на гигантскую работу, проделываемую судьями, и их самоотверженность, «дело не может идти надлежащим темпом, и “суд скорый” во всяком случае давно уже отошел в область прошлого, теперь его нет». В подтверждение он приводит следующие факты: в Московской судебной палате очередь назначения дел к слушанию определяется 3,5–5 годами; у мирового судьи бакинского судебного отдела в 1902 году накопилось 6400 неразобранных дел; в производстве Сената дела лежат по 6 лет, и для восстановления своего права нужно ждать иногда 10–12 лет [7, с. 189–190]. Анализируя сложившуюся ситуацию, И.В. Гессен видел ее причины во все возрастающей, непосильной рабочей нагрузке на судей («количество дел в судах увеличивается не по дням, а по часам»), обусловленной развитием экономической жизни и созданием новых правоотношений, в неизменности судебных штатов («составы судов перестали соответствовать количеству труда»), в финансовых затруднениях судебных учреждений, в ненадлежащем материальном обеспечении судей, в снижении уровня их независимости и в «оскудении» судебных кадров [7, с. 180–190]. Поразительное сходство с ситуацией, в которой российское правосудие оказалось спустя столетие, на рубеже XXI века!

Важно отметить, что на этом этапе развития уголовного судопроизводства начинает приходить понимание того, что «скорый суд» есть непременное условие правильного, справедливого правосудия, обеспечивающего, с одной стороны, неотвратимость мер уголовной ответственности и доступность судебной защиты, с другой – исключающего длительное пребывание обвиняемого «в страшной неизвестности относительно предстоящей ему участи» [6, с. 93] и чрезмерные

тяготы, связанные с мерами принуждения и ограничением прав и свобод.

Подчеркивая важность скорого правосудия, в литературе того времени часто приводят слова министра юстиции Н.В. Муравьева: «Судебная волокита уничтожает все благодетельное воздействие суда: он обращается в невыносимое бремя общественного быта, вместо того, чтобы быть несокрушимым его оплотом» [8, с. 127], и еще: «Служители нового суда слишком хорошо знают, что он может быть равный и правый только при скорости, потому что всякая правда теряется в судебном томлении» [7, с. 191].

В советский период истории развития уголовного правосудия проблема ускорения производства по делу не была столь острой: суд был достаточно «скорый» – скорый на расправу сначала с врагами революции и классовыми врагами, затем – с преступными элементами. Оперативность расследования и судебного рассмотрения уголовного дела диктовалась задачами уголовного судопроизводства (ст. 2 УПК РСФСР), в соответствии с которыми во главу угла ставилось быстрое раскрытие преступления, изобличение виновных и их неотвратимое наказание. Судопроизводство было выстроено по типу розыскного процесса, в котором судебное рассмотрение являлось по сути продолжением предварительного расследования, редко отклонялось от заданной обвинительной властью линии, и возникающие помехи к быстрому завершению процесса быстро устранялись не без помощи суда.

В 1980-е (перестроечные) годы ситуация стала резко меняться. В условиях начавшихся кардинальных изменений в общественной жизни, на фоне быстрого роста преступности (по оценке А.И. Александрова, криминальная активность населения России в этот период практи-

чески удвоилась [4, с. 388]) правоохранительная система и суды столкнулись с прежними проблемами, породившими кризис уголовной юстиции, одним из проявлений которого явилась огромная нагрузка по рассмотрению уголовных дел и, как следствие, возросшая продолжительность судебных производств и нарушение сроков рассмотрения уголовных дел¹. В середине 1990-х годов в создавшихся условиях районным судьям приходилось назначать рассмотрение уголовных дел на несколько месяцев вперед. Скорый и правый (с точки зрения заботы о соблюдении прав личности) суд был поставлен под угрозу существования.

Большим стимулом к повороту вектора развития уголовного правосудия в направлении ускорения производства по уголовным делам явились вступление России в 1998 году в Совет Европы и ратификация Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года (далее – Конвенция). В соответствии со ст. 6 Конвенции право каждого на судебное разбирательство любого дела в разумный срок входит составной частью в понятие справедливого судебного разбирательства, а разумный срок производства по делу благодаря практике Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ) стал критерием оценки справедливости уголовного правосудия. Таким образом, идея «скорого суда» воплотилась в международно-правовом стандарте правосудия и в 2010 году приобрела значение принципа уголовного процесса под названием «осуществление уголовного судопроизводства в разумный срок», который был закреплен ст. 6.1 УПК РФ².

В течение 1998–2013 годов ЕСПЧ зафиксировал 169 нарушений Российской Федерацией права на судебное разбирательство в разумный срок, что составило 12,2 % от общего числа

¹См. об этом: Концепция судебной реформы в РСФСР: утв. Постановлением Верховного Совета РСФСР № 1801-1 от 24 октября 1991 г. // Вед. Верховного Совета РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1435.

²Введена Федеральным законом от 30.04.2010 года № 69-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в связи с принятием Федерального закона “О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок”» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 18. Ст. 2145.

постановлений ЕСПЧ в отношении России, которыми признано хотя бы одно нарушение Конвенции [9]. Значительная часть этих нарушений имела место в сфере уголовного правосудия и констатирована, например, в получивших широкую известность постановлениях ЕСПЧ по делам «Калашников против РФ» (постановление от 15.07.2002 года), «Худоеров против РФ» (постановление от 08.11.2005 года); «Родин против РФ» (постановление от 22.10.2009 года), «Казюлин против РФ» (постановление от 25.02.2010 года), «Конашевская и другие против РФ» (постановление от 03.06.2010 года). При этом ЕСПЧ неоднократно указывал России на системные проблемы в организации деятельности уголовного суда, приводящие к нарушениям разумных сроков производства по уголовным делам, и на обязанность государства необходимым образом организовать систему правосудия, с тем чтобы она отвечала требованиям п. 1 ст. 6 Конвенции.

В ходе развернувшейся современной судебной реформы, в результате мер по увеличению штатной численности судов, повышению уровня финансово-материального, организационно-правового и информационного обеспечения деятельности судебных органов, оптимизации уголовно-процессуального законодательства (введение особых порядков судебного разбирательства по уголовным делам) и благодаря немалым организационным усилиям со стороны Верховного суда РФ, нижестоящих судов и органов судейского сообщества по ужесточению контроля сроков производства по делу и розыска скрывшихся от правосудия обвиняемых, а также по устранению иных причин длительного рассмотрения дел ситуацию в России с соблюдением процессуальных сроков рассмотрения уголовных дел и сокращением продолжительности судебных разбирательств удалось стабилизировать и на данный момент ее можно оценивать как удовлетворительную. По утверждению А.И. Ковлера (в недавнем прошлом судьи Европейского Суда по правам человека от России), в настоящее время ЕСПЧ не высказывает серьезных претензий к России по длительности рассмотрения уголовных дел [10].

Тем не менее, как отмечается в Постановлении Пленума Верховного суда РФ от 27.12.2007 № 52 (в редакции от 09.02.2012 года) «О сроках рассмотрения судами Российской Федерации уголовных, гражданских дел и дел об административных правонарушениях», а также в юридической литературе [11], факты судебной волокиты уголовных дел, в т. ч. вследствие недостаточной организованности судей и работников аппарата суда, полностью не изжиты.

По данным судебной статистики, в 2013 году количество уголовных дел, рассмотренных судами РФ в срок от 3 мес. до одного года, составило 60 128 дел (6,4% от общего количества уголовных дел, производство по которым было окончено в судах за указанный период), в срок больше одного года – 2771 дело (0,3%), из которых 277 дел рассматривались судами свыше двух лет. Остаток нерассмотренных дел, находящихся в производстве судов свыше одного года, на конец 2013 года составлял 1143 дела (1,2% от общего числа не оконченных уголовных дел) [12]. В сравнении с 2012-м эти показатели заметно ухудшились.

Анализ практики ЕСПЧ и аналитических материалов органов судебной власти позволяет констатировать, что основными причинами длительности судебных разбирательств по уголовным делам на протяжении многих лет остаются: 1) неявка участников процесса в судебное заседание и ненадлежащий уровень исполнения судебных актов о приводе лиц по уголовным делам; 2) длительность производства судебных экспертиз; 3) неэффективность мер по розыску скрывшихся от правосудия лиц. Помимо этих причин VIII Всероссийский съезд судей в своем итоговом постановлении от 19 декабря 2012 года «О состоянии судебной системы Российской Федерации и основных направлениях ее развития» отметил проблемы, связанные с доставкой и вручением судебной корреспонденции, указал на отсутствие в процессуальном законодательстве эффективных механизмов защиты от искусственного затягивания сроков рассмотрения дел, действенных санкций за неисполнение процессуальных обязанностей и злоупотребление участниками судопроизводства процессуальными правами.

Все перечисленные и иные симптомы старелой болезни отечественного правосудия, именуемой «судебная волокита», хорошо известные правоведам и практикующим юристам³, требуют дальнейшего, настойчивого «лечения» и поиска новых, эффективных средств их устранения. Положительными примерами использования таких эффективных новелл являются внедрение в судебную деятельность электронного делопроизводства и применение современных средств связи, в частности видеоконференцсвязи в судебном следствии, смс-сообщений и электронной почты для вызова и извещения участников судебного процесса.

Федеральная целевая программа «Развитие судебной системы России на 2013–20 годы» № 1406, утвержденная постановлением Правительства РФ от 27 декабря 2012 года, предусматривает модернизацию судебно-экспертной деятельности, осуществляемой государственными судебно-экспертными учреждениями Министерства юстиции Российской Федерации, расширение экспертных учреждений, внедрение современных информационных технологий в сфере судебно-экспертной деятельности, включая укрепление их материально-технической базы и оснащение лабораторий судебной экспертизы современной приборной базой. Реализация этих мер, безусловно, не только улучшит качество экспертных исследований, но и повысит оперативность дачи экспертных заключений, что благоприятно скажется на продолжительности судебного разбирательства по уголовным делам.

В то же время, на наш взгляд, процессуальной науке, законодателю, судебной власти необходимо обратиться к разработке и внедрению в уголовное правосудие действенного механизма защиты от искусственного (нередко преднамеренного) затягивания сроков рассмотрения дел путем злоупотребления процессуальными правами со стороны недобросовестных участ-

ников судопроизводства, а также вследствие неисполнения ими процессуальных обязанностей, в частности по своевременной явке в судебное заседание. Существующие процессуальные меры реагирования со стороны суда на подобные действия недостаточно эффективны и требуют совершенствования. Ст. 117 УПК РФ в качестве такой принудительной меры к нарушителям порядка судопроизводства предусматривает денежное взыскание в размере до 2500 р., которое явно неадекватно степени вреда, наносимого порой интересам правосудия. Неудивительно, что суды крайне редко применяют эту меру. На наш взгляд, следует не только существенно поднять предел штрафной санкции, предусмотренной ст. 117 УПК РФ (напомним, что до принятия Федерального закона от 11 июня 2008 года № 85-ФЗ она составляла 25 минимальных размеров оплаты труда, что на сегодняшний день составляет 138 850 р.), но и дополнительно ввести в качестве процессуального взыскания краткосрочный (до 5 сут.) арест, применение которого можно было бы ограничить случаями повторного или злостного процессуального правонарушения.

В заключение следует отметить, что «скорый суд» – не самоцель, которая должна достигаться любой ценой, в ущерб качеству правосудия. Необходимо учитывать, что несоблюдение разумных сроков уголовного судопроизводства ограничивает доступ граждан к правосудию, нарушает принцип правовой определенности (уголовно-правовой спор не находит своего своевременного разрешения), препятствует эффективному восстановлению нарушенного права, а при истечении срока привлечения к уголовной ответственности может сделать его невозможным, что негативно сказывается на регулировании общественных отношений, подрывает авторитет судебной власти и веру граждан в справедливость правосудия.

³Постановление VIII Всероссийского съезда судей от 19 декабря 2012 года «О состоянии судебной системы Российской Федерации и основных направлениях ее развития». URL: <http://ssrf.ru/page/9085/detail/> (дата обращения: 12.01.2015).

Список литературы

1. *Титов Ю.П.* Хрестоматия по истории государства и права России. М., 2002.
2. *Духовской М.В.* Русский уголовный процесс. М., 1910.
3. *Куницын А.* Историческое изображение древнего судопроизводства в России. СПб., 1843.
4. *Александров А.И.* Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности: история, перспективы, проблемы. СПб., 2003.
5. Судебные Уставы 20 ноября 1864 года с изложением рассуждений, на коих они основаны. СПб., 1866. Ч. 1. С. XXXIX–XXXX.
6. *Полянский Н.Н.* Уголовный процесс: уголовный суд, его устройство и деятельность: лекции. М., 1911.
7. *Гессен И.В.* Судебная реформа. СПб., 1905.
8. Слово министра юстиции при вступлении на должность // Журн. М-ва юстиции. 1894. № 1.
9. Статистика ЕСПЧ за 1959–2015 годы. URL: <http://european-court.ru/statistika-evropejskogo-suda/> (дата обращения: 25.12.2014).
10. Более 90 процентов жалоб, поступающих в ЕСПЧ, признаются неприемлемыми // Уголов. процесс. 2011. № 5. С. 16–19.
11. *Левочкина А.В.* Организационно-правовые факторы нарушения разумных сроков судопроизводства в районном суде в свете анализа практики Европейского Суда по правам человека // Рос. судья. 2013. № 7. С. 41–44.
12. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2013 год. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2361> (дата обращения: 12.01.2015).

References

1. Titov Yu.P. *Khrestomatiya po istorii gosudarstva i prava Rossii* [Reader on the History of Russian State and Law]. Moscow, 2002.
2. Dukhovskoy M.V. *Russkiy ugovolnyy protsess* [Russian Criminal Trial]. Moscow, 1910.
3. Kunitsyn A. *Istoricheskoe izobrazhenie drevnego sudoproizvodstva v Rossii* [Historical Image of Legal Proceedings in Early Russia]. St. Petersburg, 1843.
4. Aleksandrov A.I. *Ugovolnaya politika i ugovolnyy protsess v rossiyskoy gosudarstvennosti: istoriya, perspektivy, problemy* [Criminal Policy and Criminal Procedure in the Russian State System: History, Prospects and Challenges]. St. Petersburg, 2003.
5. *Sudebnye Ustavy 20 noyabrya 1864 goda s izlozheniem rassuzhdeniy, na koikh oni osnovany* [Court Statutes of 20 November 1864 with Arguments They Are Based upon]. Pt. 1. St. Petersburg, 1866, pp. XXXIX–XXXX.
6. Polyanskiy N.N. *Ugovolnyy protsess: ugovolnyy sud, ego ustroystvo i deyatel'nost': lektsii* [Criminal Procedure: Criminal Court, Its Structure and Work: Lectures]. Moscow, 1911.
7. Gessen I.V. *Sudebnaya reforma* [Judicial Reform]. St. Petersburg, 1905.
8. Slovo ministra yustitsii pri vstuplenii na dolzhnost' [Inaugural Speech of the Minister of Justice]. *Zhurnal Ministerstva yustitsii*, 1894, no. 1.
9. *Statistika ESPCh za 1959–2015 gody* [Statistics of the ECHR for the Years 1959–2015]. Available at: <http://european-court.ru/statistika-evropejskogo-suda/> (accessed 25 December 2014).
10. Bolee 90 protsentov zhalob, postupayushchikh v ESPCh, priznayutsya nepriemlemymi [Over 90 Percent of Complaints to the ECHR Are Declared Inadmissible]. *Ugovolnyy protsess*, 2011, no. 5, pp. 16–19.
11. Levochkina A.V. Organizatsionno-pravovye faktory narusheniya razumnykh srokov sudoproizvodstva v rayonnom sude v svete analiza praktiki Evropeyskogo Suda po pravam cheloveka [Legal and Organizational Factors of Violation of Reasonable Time of Proceedings in the District Court in the Light of the Analysis of the ECHR Work]. *Rossiyskiy sud'ya*, 2013, no. 7, pp. 41–44.
12. *Svodnye statisticheskie svedeniya o deyatel'nosti federal'nykh sudov obshchey yurisdiktсии i mirovykh sudей za 2013 god* [Summary of Statistical Data on the Work of Federal Courts of General Jurisdiction and Magistrates' Courts for 2013]. Available at: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2361> (accessed 12 January 2015).

Burmagin Sergey Viktorovich

Institute of Law, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia)

REALIZATION OF THE IDEAL OF SPEEDY TRIAL IN CRIMINAL JUSTICE REFORMS

Trial within a reasonable timeframe is an essential criterion of fairness in criminal procedure. Reforming the national justice system, Russian authorities each time set a goal to increase its efficiency and eliminate red tape in judicial criminal proceedings. The judicial reform of 1864 radically changed the criminal procedure by increasing its mobility and developing legal norms aimed at its acceleration, but still failed to reach the ideal of speedy trial. Factors impeding a timely criminal trial, such as judges' overload, mass non-appearance of parties to the trial, protracted forensic examinations, as well as poor and lengthy preliminary inquiries, in the late 1980s and early 1990s brought the problem of speedy trial to the fore again. In the course of the current judicial reform, largely influenced by the legal stand of the European Court of Human Rights, Russian justice has over 20 years been steadily and successfully fighting the "chronic disease" called judicial red tape. As a result, there were introduced: the principle of reasonable time of criminal proceeding, shorter forms of trial and new electronic communication allowing the court to hear the persons required (video conferencing, SMS notification). In addition, the control has been tightened over the time spent on the proceedings and search for fugitive offenders; forensic activities have been further developed, improved and accelerated. By now, the situation has been mainly stabilized; however, lawyers and legislators have yet to develop and implement an effective mechanism eliminating intentional delays by dishonest participants in the proceedings abusing their procedural rights and failing to perform their procedural duties.

Keywords: *judicial reform, reasonable time of criminal proceedings, criminal justice, fair trial, procedural deadline, procedural response.*

Контактная информация:

адрес: 163002, г. Архангельск, просп. Ломоносова, д. 58;
e-mail: s.burmagin@narfu.ru